

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОРИСА ШЕРГИНА

Фрагменты

...Отец мой, берегам бывалец, морям проходец, ленивой и спокойной жизни не искал. От юности до старости жизнь его прошла в службе Студеному морю. В звании матроса, затем штурмана и шкипера ходил в Скандинавию и на Новую Землю. Имел степень корабельного мастера первой статьи. Ряд лет состоял главным механиком Мурманского пароходства.

...Жизнь скоро скажется, а трудно тянется... Зимой в свободный час он мастерил модели фрегатов, бригов, шкун. Сделает корпус как есть по-корабельному – и мачты, и реи, и паруса, и якоря, и весь такелаж.

...Отец был хороший стрелок, отроду с ружьем, и я юн забегал с дробовкой. С компасом и часы по солнцу узнавать отец меня выучил. Ступаем по мху,

по мягким оленьим путищам, и он мне рассказывает о зверях, о птицах, о рыбах, как они живут, как их добывают, как язык животных понимать...

Только пустых бесед и разговоров не терпел и боялся. Скажет:

– Праздное слово сказать – все одно, что без ума камнем бросить. Берегись пустопорожних разговоров, бойся-пребойся пустого времени – это живая смерть... Прежде вечного покоя не почи-вай... Слышал ли, поют:

*Лежа добра не добыть,
Горе не избыть,
Чести и любви не нажить,
Красной одежды не носить.*

И еще скажу: никогда не печалься. Печаль – как моль в одежде, как червь в яблоке. От печали – смерть. Но беда не в том, что в печаль упадешь; а горе – упавши, не встать, не лежать...

...Азбуку мне отец подарил к Новому году, поэ-тому в начале было написано стихами:

*«Поздравляю тебя, сын, с Новым годом!
Живи счастливо да учись.
Ученый водит, неученый следом ходит.
Рано, весело вставай – заря счастье кует.
Ходи право, гляди браво.
Кто помоложе, с того ответ подороже.
Будь, сын, отца храбрее, матери добрее.
Живи с людьми дружно. Дружно, не грузно.
А врозь – хоть брось!..»*

ГОСТЬ С ДВИНЫ

В стародавние времена низовские двиняне сообщая морского зверя промышляли и лодьи с тор-гом складчиной в чужие страны отпускали.

Четверо промышленников-складчиков отпу-стили своего товарища к датским берегам сдать договорный товар и получить условленную цену.

Лодья в датский город пришла скорополучно. Русский мореходец торговые дела управил, цену получил сполна.

Вечером, в канун обратного пути, идет по горо-ду. Видит: в темном месте стоит женщина, приго-жая собой. Он был строгой жизни, красота для него неприкосновенна. Но переборол себя, подошел, спросил учтиво:

– Госпожа, ты ждешь кого-то?

Она потупилась, молчит. Он взял ее за руку, привел в гостиницу, велел учредить стол в особой горнице. Женщина вошла, прижалась в угол. Перед ней питье, еда, она и не глядит. Мореходец угоща-ет, она будто не слышит. Мореходец посадил ее на ложе, одной рукой подносит чашу вина, другой рукой обнял.

Тогда женщина ударила себя ладонями по лицу и заплакала навзрыд:

– О горе мне, горе!.. Нету помощи ни от людей, ни от Бога!

Мужественный мореходец содрогнулся серд-цем:

– Какое твое горе, госпожа? Какая над тобой беда?

Доброту и милость почувствовала женщина и заговорила:

– О, господин! Беда стряслась над моим мужем и надо мною. Муж мой корабельщик. Набрал в долг товару, отправился в дальний берег. Непогодой разбило корабль. Товар утонул. Люди еле спаслись. Муж вернулся домой бос и наг. Купцы бросили его за долг в темницу. Это было осенью прошлого года. Я стала добывать кусок хлеба поденщиной. Кормила мужа и незамогла работать. Муж в темнице голо-дует. Сегодня я вышла на улицу...

– Как велик долг твоего мужа? – спросил мореходец.

Женщина назвала цену долга. Долг как раз рав-нялся цифре, которую должен был получить море-ходец на свой торговый пай. Раздумывал недолго.

– Жди меня здесь у ворот.

Он сходил на лодью, отсчитал из общей казны столько, сколько приходилось на его долю, и вер-нулся к гостинице. Была ночь, женщина дрожала у ворот.

Он подал ей тяжелую шкатулку:

– Возьми, госпожа. Выкупи своего мужа из темницы. Подал шкатулку и ушел скорым шагом. Женщина опомнилась, закричала, хотела догнать. Никого уже не было в ночном сумраке. Она пала на землю и целовала следы его ног.

Лодья вернулась на Двину. Мореходец вручает заморское серебро своим товарищам-складникам:

– Примите ваше. Здесь моей доли нет. Я свою, пятаю, часть вынял.

Пайщики говорят:

– Ты из общего выхватил свое без ведома това-рищей? Ты распорядился самовольно. Ты разорил общий вековой устав.

Мореходец наотрез отказался объяснить, для какого случая он вынул пай.

Той же осенью пристал к другой артели и ушел в зимовье к небывалым берегам, откуда и не вернулся.

А через пять лет приходит на Двину датский корабельщик, тот, которого русский мореход изба-вил от беды. Корабельщик разыскивал своего бла-годетеля, чтобы вернуть долг. Нашел только четвер-ых его товарищей. Их упрашивал со слезами:

– Возьмите это серебро, господа двиняне! Раз-дайте в память доброты моего.

Те говорят:

– Не нашими руками раздавать эти бесценные деньги. Тяжело нам будет «спасибо» получать.

И никто на Двине не дерзнул принять это серебро.

Тогда сдумал думу датский корабельщик и воз-двиг этими деньгами каменный столп между Рус-ским и Варяжским берегом Студеного моря-океана. И поднял колокол на этот столп с отлитым именем русского своего доброхота. Колокол звонит в туман-ны, в непогоду, и проходящие мореходцы вспоми-нают доброе дело русского человека.